

1

Дом был пуст. От стен тянуло холодом. Ванну покрывал тонкий слой изморози. Кожа женщины уже начинала принимать голубой оттенок.

«Принцесса, — вот первое, что пришло в голову, когда он ее увидел. — Ледяная принцесса».

Пол был тоже словно ледяной, но он не чувствовал холода. Протянул руку, потрогал.

Кровь в ее жилах давно замерзла.

Никогда еще любовь к ней не была такой сильной. Он ласкал ее руку, словно это была душа, покинувшая тело.

Потом он вышел, не обернувшись. Он не прощался.

* * *

Эйлерт Берг не считал себя счастливым человеком. Страдал одышкой. Воздух тяжело выталкивался изо рта маленькими белыми облачками, но не здоровье было его главной проблемой.

Как не терпелось ему в первый раз лечь с ней в супружескую постель!.. Поначалу Свеа казалась такой нежной, доброй и стеснительной... Настоящая ее природа проявилась не сразу, вскоре после того, как утихли первые порывы юношеской страсти. Тогда-то он и попал к ней под каблук, где томился по-

чти пятьдесят лет. Только потом и у него появилась своя тайна, слабый просвет, обещавший хоть немного свободы на склоне лет. Эйлерт не мог упустить такой возможности.

Всю жизнь он надрывался на рыбной ловле, а заработка едва хватало на содержание детей и Свеи. После им обоим и вовсе пришлось довольствоваться нищенской пенсией. Нечего и думать изменить что-то в жизни без лишнего гроша в кармане, поэтому подвернувшийся шанс стал для Эйлерта подарком судьбы. И это были до смешного легкие деньги; но при чем здесь Эйлерт, если кто-то готов платить за просто так?

Он и не думал этим смущаться. Стопка купюр в тайнике за компостерным ящиком быстро росла. Уже через год накопилась сумма, вполне достаточная для того, чтобы уехать на отдых в теплые страны.

Перед последним крутым подъемом Эйлерт остановился перевести дыхание и помассировал оочевшие руки. Самое время теперь отогреться где-нибудь в Греции или Испании. По его подсчетам, жизни в нем оставалось лет на десять, не больше. Было бы обидно провести их дома, в обществе старухи.

До сих пор, если он когда и отдыхал от нее, то во время этой ежедневной утренней прогулки. Пара часов покоя и одиночества, заодно прекрасный моцион. Маршрут повторялся изо дня в день, и те, кто знал об этой его привычке, выходили на улицу поглазеть и перекинуться словечком. Эйлерту особенно нравилось встречаться с красивой девушкой из дома, что стоял высоко на холме, рядом с хокебакенской школой.

Она бывала здесь только на выходные, встречала его одна и всегда находила время поболтать о погоде. Фрёкен Александра интересовалась и прошлым Фьельбаки — темой, которую Эйлерт всегда был рад поддержать. Наконец, ему доставляло радость про-

сто смотреть на нее. Эйлерт не мог не признаться себе в этом, несмотря на возраст. Конечно, и о ней болтали разное. Но если обращать внимание на пересуды местных кумушек, ни на что другое просто не останется времени.

* * *

С год тому назад она спросила, не затруднит ли его присматривать за домом раз в неделю, по пятницам. Все равно ведь прогуливается здесь каждое утро. Котел старый, да и водопроводные трубы ненадежны, а ей не очень-то приятно приезжать на выходные в нетопленое помещение. Он получит ключи, сказала фрёкен Александра, и будет проверять, всё ли в порядке. В поселке случаются кражи, поэтому Эйлерт должен обращать особое внимание на сохранность замка и окон.

Поручение не показалось ему особенно сложным. Раз в месяц он находил в почтовом ящике конверт с королевским, по меркам бедного пенсионера, вознаграждением. Помимо прочего, Эйлерту просто нравилось быть кому-то полезным. Тому, кто привык трудиться не покладая рук, трудно с утра до вечера шлаться без дела.

Он с усилием открыл покосившуюся калитку. Во дворе громоздились сугробы, и Эйлерту подумалось, что неплохо бы отрядить кого-нибудь из мальчишек помочь фрёкен Александре с расчисткой двора. Это работа не для слабой женщины. Доставая ключи, он следил за тем, чтобы не уронить их в снег, опасаясь, что тогда ему придется встать на колени, и он больше не сумеет подняться. Наружная лестница обледенела, поэтому приходилось крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться.

Эйлерт собирался было сунуть ключ в замочную скважину, когда вдруг обнаружил, что дверь не заперта. Удивленный, он толкнул ее и вошел в прихожую.

— Эй, кто-нибудь дома?

Может, хозяйка на этот раз вернулась раньше обычного? Ответа не было. Глядя на поднимавшийся изо рта белый пар, Эйлерт осознал вдруг, какой холод стоит в доме. И вряд ли дело в изношенных батареях. Он сразу почувствовал — что-то произошло.

Эйлерт прошелся по комнатам — как будто всё на месте. Видеомагнитофон и телевизор стоят там, где обычно. Он осмотрел первый этаж и поднялся на второй. Лестница довольно крутая, поэтому Эйлерт крепко держался за перильные столбики. Наверху начал со спальни, по-женски обставленной, но опрятной и скромной, как и всё в доме.

Кровать была убрана. В ее ногах стояла дорожная сумка, похоже, нераспакованная. Эйлерт почувствовал себя дураком. Все говорило о том, что на этот раз фрёкен Александра и в самом деле вернулась раньше обычного, увидела, что батарея неисправна, и пошла искать помощи. Но что-то мешало ему принять это вполне естественное объяснение. Что-то здесь не стыковалось. В теле появились ощущения, как перед надвигающимся штормом.

Эйлерт осторожно продолжил обход. Следующей была маленькая мансардная комнатка с косым потолком, поддерживаемым деревянными балками. По сторонам камина стояли два кресла. И здесь все было в порядке, за исключением разве разбросанных на ночном столике газет. Эйлерт снова спустился на первый этаж. Ни в гостиной, ни на кухне он не обнаружил ничего подозрительного. Оставалась ванная, и Эйлерт почему-то медлил в нее заглядывать. В доме

по-прежнему было тихо. Он постоял на пороге, посмеялся над собственными страхами и решительно толкнул дверь.

Секунду спустя Эйлерт бежал к выходу со всех стариковских ног. Вспомнив в последний момент, что ступеньки скользкие, ухватился за перила, чем уберег себя от падения по лестнице вниз головой. Тяжело дыша, зашагал по снегу через сад и выругался, когда калитку снова заело. На тротуаре остановился в полной растерянности. Снизу в темпе утренней прогулки приближалась фигура, в которой он узнал Эрику, дочь Туре. Эйлерт закричал.

* * *

Эрика Фальк устала. Страшно устала. Она выключила компьютер и вышла на кухню приготовить кофе. На нее давили со всех сторон. Издательство хотело уже в августе иметь черновой набросок, а она только-только села за работу. Биография Сельмы Лагерлёф — вот уже пятая по счету книга Эрики о шведских писательницах. И она имела все шансы стать лучшей, не чувствуя Эрика такого опустошения.

Вот уже месяц прошел со дня смерти родителей, а боль несколько не притупилась. Разобраться с их вещами тоже быстро не получилось. Каждая мелочь в доме пробуждала бурю воспоминаний. В результате ящики паковались по многу часов, и это сопровождалось погружением в прошлую жизнь, такую близкую и в то же время недостижимо далекую. В конце концов все было кончено, и квартира в Стокгольме передана другим арендаторам. Эрика предпочла ей родительский дом во Фьельбаке, где она могла бы спокойно работать. Он стоял на отшибе, в Сэльвике, в самом тихом месте.

Эрика устроилась на веранде. Отсюда открывался вид на шхеры, от которого у нее всегда замирало дыхание. Декорации менялись в зависимости от времени года. Сегодня, к примеру, солнце изливалось ослепительными каскадами на лед, толстым слоем покрывавший воду. Отец любил такие дни.

Горло сдавило, и воздух в комнате вдруг показался спертым. Эрика решила прогуляться. Термометр показывал минус пятнадцать, поэтому она напялила на себя все, что попало на глаза. И все-таки замерзла, едва переступив порог, хотя и быстро разогрелась на ходу.

Было тихо, на улице ни души. Эрика слышала только собственное дыхание. Совсем не то что в летние месяцы, когда в поселке кипела жизнь. Эрика понимала, что туристический бизнес — основа благосостояния местных жителей, и все-таки не могла избавиться от ощущения, что в сезон отпусков Фьельбака словно подвергается налетам саранчи. Дома на побережье постепенно скупали. Слово многоголовый монстр незаметно, год за годом, проглатывал старый рыбацкий поселок, погружая его в призрачное состояние на оставшиеся от туристического сезона девять месяцев.

Испокон веков Фьельбака кормилась рыбной ловлей. Скудная северная природа и вечная борьба за выживание закалили народ. Тогда все зависело от того, сколько сельди заплывет в прибрежные воды. Это потом уж разглядели живописность Фьельбаки. И тогда сюда устремились толпы туристов с набитыми кошельками, а рыбная ловля утратила значение основного источника доходов. И с этого, как казалось Эрике, началось падение Фьельбаки. Потому что молодые уезжали, а старые больше грезили о прошедших временах. Сама Эрика оказалась в числе тех, кто оставил эти места.

Она прибавила шагу и свернула налево, где улица поднималась по склону холма к хокебакенской школе. И уже приближалась к вершине, когда услышала голос Эйлера Берга. Что он кричал, размахивая руками, она разобрать не могла. Эйлерт приблизился.

— Она мертва.

Он дышал тяжело, резкими толчками. В груди как будто что-то пицало, и от этого звука ей стало жутко.

— Успокойся, Эйлерт, что произошло?

— Она лежит там... мертвая.

Эйлерт махнул рукой в сторону большого деревянного дома голубого цвета и выжидающе посмотрел на Эрику. Та поняла не сразу, но, лишь только осознала сказанное, толкнула капризную калитку и зашагала к входной двери, которую Эйлерт оставил открытой.

Эрика осторожно переступила порог. Она все еще не представляла себе, что ожидает ее в доме, но почему-то не решалась расспрашивать. Эйлерт, бледный как мел, следуя за ней, кивнул в сторону ванной на первом этаже.

— Т-там...

Эрика давно не бывала в этом доме, но где ванная, вспомнила сразу.

Она почувствовала, что мерзнет, несмотря на теплую одежду. Дверь мягко открылась вовнутрь, и Эрика вошла.

Она и сама толком не знала, что ожидала здесь увидеть после того, что сказал Эйлерт. Но в любом случае оказалась не готова к открывшемуся ее глазам зрелищу. Ванная была выложена белым кафелем, на фоне которого кровавые пятна смотрелись особенно эффектно. На какую-то долю секунды Эрика даже залюбовалась, пока вдруг не осознала, что там, во льду, самая настоящая мертвая женщина.

Эрика узнала ее, несмотря на неестественную голубизну кожи. В ванной лежала Александра Вийкнер, урожденная Карлгрен. Это ее родителям принадлежал этот дом. В детстве Эрика с Александрой были лучшими подругами. Но с тех пор миновала вечность, и теперь Эрика смотрела на ледяную принцессу почти как на незнакомку.

Глаза были прикрыты, но губы уже приобрели ярко-синий цвет. Нижняя половина тела уходила в толщу льда, верхняя точно была обернута сверкающей прозрачной пленкой. Правая рука свисала вдоль ванны, на краю которой лежала бритва. Пальцы утопали в луже замерзшей крови. От левой руки виднелось только предплечье, чуть ниже которого торчали колени. Длинные светлые волосы Алекс замерзшим веером перевесились через изголовье ванны.

Эрика так и застыла на месте. От представшей глазам картины веяло таким одиночеством и холодом, что она медленно попятилась к двери.

* * *

Дальнейшее происходило как во сне. Тут же набрали номер «Скорой», потом дожидались приезда медиков. В такой же ступор Эрика впала, когда узнала о смерти родителей. Вернувшись домой, она первым делом налила себе большую рюмку коньяка. Возможно, это было не совсем то, что прописал бы в такой ситуации доктор, но руки дрожать перестали.

Вид мертвой Алекс воскресил в памяти картины детства. С тех пор прошло больше двадцати пяти лет. Сколько людей встретилось и забылось за это время, но Александра как будто не покидала ее все эти годы. Детьми они были близки, потом их пути разо-

шлись. И все-таки Эрике не верилось, что Алекс могла совершить самоубийство, — что казалось самым естественным объяснением увиденному. Потому что Алекс, с которой они когда-то дружили, была самым жизнелюбивым и здравомыслящим человеком из всех, кого Эрика когда-либо знала в жизни. Красивая, уверенная в себе, она будто излучала нечто такое, что заставляло людей оборачиваться на нее на улице. Кроме того, судя по доходившим до Эрики и более чем правдоподобным слухам, судьба Алекс и в дальнейшем складывалась вполне благополучно. Она руководила галереей современного искусства в Гётеборге и была замужем за успешным и привлекательным мужчиной, с которым жила в роскошном особняке на острове Сэрё. И все-таки в конце концов что-то у нее там не заладилось...

Желая развеять тяжелые мысли, Эрика набрала номер сестры.

— Спишь?

— Ты шутишь? Адриан разбудил меня в три утра, а когда наконец уснул около шести, проснулась Эмма и захотела играть.

— А Лукас не мог тебе помочь, хотя бы в виде исключения?

Нависла гробовая тишина, и Эрика прикусила язык.

— У Лукаса сегодня важная встреча, ему надо было отдохнуть. На работе запарка, кампания перед важнейшим стратегическим выбором.

Голос Анны сорвался, в нем отчетливо слышались нотки истерии. У Лукаса всегда и всему находились объяснения. Очевидно, и сейчас сестра вещала с его слов. Он вечно готовился к важным встречам, или собирался с духом перед принятием ответственного решения, или же просто не находил в себе силы, по-

тому что это ведь не шутки — руководить таким большим и успешным предприятием. Забота о детях — трехлетней малышке и младенце четырех месяцев от роду — целиком и полностью лежала на Анне. Поэтому на похоронах родителей тридцатилетняя сестра и выглядела на все сорок.

— *Honey, don't touch that*¹.

— Тебе не кажется, что с Эммой пора говорить по-шведски?

— Лукас считает, что дома мы должны общаться по-английски. Мы вернемся в Лондон до того, как она пойдет в школу.

Лукас считает, Лукас говорит, Лукас думает — как же Эрика устала от всего этого... В ее глазах зять был порядочной дрянью.

Они познакомились, когда сестра работала няней в Лондоне. Лукас Максвелл, успешный биржевой маклер, был на десять лет старше Анны. Тем не менее она отказалась от прежних амбициозных планов и учебы в университете и посвятила себя тому, чтобы стать образцовой женой и хозяйкой дома.

Проблема, однако, состояла в том, что Лукас никогда не бывал доволен. И Анна, которая с детства всегда делала то, что хотела, быстро поблекла рядом с ним как личность. Пока не было детей, Эрика все надеялась, что сестра опомнится, оставит Лукаса и начнет наконец жить своим умом. Но когда появилась Эмма, а за ней и Адриан, стало ясно, что от зятя так легко избавиться не удастся.

— Давай сменим тему, — предложила Эрика. — Как поживают мои любимые племянники?

— Как всегда, ты же знаешь... Эмма в приступе ярости изрезала на куски несколько своих платьев,

¹ Дорогая, не трогай это (*англ.*).

прежде чем я успела ее остановить. А Адриан третий день мучается рвотой и беспрерывно кричит.

— Похоже, пора менять обстановку... Что, если тебе приехать ко мне на недельку с детьми? Помимо прочего, ты могла бы кое в чем мне помочь. Пора наконец заняться всеми этими бумагами...

— Именно об этом мы и хотели с тобой поговорить...

Голос Анны задрожал, как бывало всегда, когда она заговаривала о чем-то неприятном. Эрика вздохнула. Это «мы» не предвещало ничего хорошего. Стоило вступить в игру Лукасу, как сестра тут же принимала его сторону. Эрика терпеливо ждала продолжения.

— Мы с Лукасом собирались вернуться в Лондон, как только все уладится с шведским филиалом. И потом, видишь ли... мы не сможем содержать здесь, в Швеции, такой большой дом. Ты ведь тоже не говоришь желанием переехать сюда... ну, я имею в виду, одна, без детей, семьи и всего такого...

Нависла напряженная пауза.

— Так что ты хотела мне сказать? — Эрика накручивала волосы на указательный палец — детская привычка, напоминавшая о себе всякий раз, когда она нервничала.

— Ну... Лукас считает, что дом лучше продать. У нас нет возможности содержать его. Кроме того, по возвращении мы купим дом в Кенсингтоне. Конечно, Лукас хорошо зарабатывает, но эти деньги могут много для нас значить. Я имею в виду дом на побережье — это же миллионы и миллионы... Немцы просто с ума сходят от всех этих морских видов, и...

Анна продолжала приводить аргументы, но Эрика решила, что развеялась достаточно, и спокойно завершила разговор.